

ВЛАДИМ СТАХОВИТИН

СВЕЧКА

РАССКАЗ

ЗНАКОМЬТЕСЬ!
АВТОР АЛЬМАНАХА
«СТАВРОПОЛЬ»

Это было самое обыкновенное окно. Шесть квадратов в деревянной раме салатного цвета. Вот разве только самое веселое и вымытое на фасаде трехэтажного здания, что нависало серой громадой над солдатским спортгородком. И что можно высидеть под таким окном? Однако Андрей Казачок сидел, замаскировавшись чахлыми кустами пыльной сирени. Курил. И стряхивал пепел прямо на глянцево-носочки новых яловых сапог. Сапоги удружил ему по случаю демобилизации знакомый хозяйственник. Грамоты за отличную службу лежали в дерматиновом чемодане. Чемодан стоял у ног. А в правом кармане лежали документы и билет на поезд. Но все-таки он сидел. И ждал.

Это было, повторяю, самое обыкновенное окно. Так же, как три года назад, трепыхались куцые тюлевые занавески, а на подоконнике тесно стояли горшки с геранью.

Три года назад... Сколько гимнастеров, выбеленных зноем и едким потом, сдано на вешевой склад!

Казачок посмотрел на свои руки: тяжелые, с наростами мозолей на ладонях, потом перевел взгляд на турник. Турник возвышался над от-

шлифованными брусками и потертой «кобылой». Его паутинно-тонкие оттяжки впивались в ярко-желтую россыпь песка.

Казачок качнул головой, усмехнулся: «Стоишь, старина?»

Именно так все и начиналось... три года назад.

Первогодок Казачок посмотрел на свои саднящие ладони, на перекладину и неумело подпрыгнул. Высокий костистый сержант, упершись руками чуть пониже спины Андрея, побагровел и натужно кричал:

— Давай, жми!.. Ноги забрасывай, ноги! Голову назад!

Еще бы один-единственный рывок!.. Но в это время сверху донеслось насмешливо-задиристое

— Эй, рыжий! Что, слабо, да? Мало каши ел!

Андрей грохнулся на песок. Поднимаясь, он увидел в полуоткрытом окне первого этажа оскорбительно-невозмутимую физиономию девчонки. Нахальные глаза, курносый нос, две косички от ушей — в стороны. Из припухлого рта ехидно высунулся острый кончик языка.

— Ты... козявка! — задохнулся Андрей. — На крышу еще залезь, там крикни!

Да, он был рыжим. И конопатым к тому же. Давным-давно, когда Андрей был еще совсем маленьким, мама ему говорила:

— Всех ребятшек находят на огороде под лопухами, а тебя на открытом месте отыскивали. Вот оно тебя и разукрасило, солнышко-то.

Да, он был рыжим. И силенок у него небогато. Так что же орать об этом! И кто крикнул? Хоть бы «старичок» какой или ровесник, а то — пигалица.

— Зачем на крышу? Мне и здесь хорошо! — крикнула нахальная девчонка и подчеркнuto громко расщелкнула орех.

Андрей погрозил ей кулаком. Сержант досадливо махнул рукой.

— Рядовой Казачок, в строй!

— Казачок — слабочок — салажоночок! — незамедлительно послышалось из окна.

— Ах ты! — Андрей нагнулся, зачерпнул пригоршню песка.

— Отставить! — строго приказал сержант. — А вы, гражданочка, закройте окошко с той стороны. И не мусорьте шелухой. Видно, опять придется к вашей маме идти.

Девчонка фыркнула и хлопнула створкой рамы. Стекла зазвенели.

Звали девчонку Светой. Или просто Свечкой. Мама — повар офицерской столовой. Всю свою короткую жизнь Свечка прожила в этом доме, привыкла подниматься по зову солдатской трубы, назубок знала четыре комплекса утренней гимнастики и ловко передразнивала младших командиров, выкрикивая что-нибудь вроде «Равнение на появление!» или «Выше ногу!» с ударением на последнем слого. Но природа наделила ее не только озорством.

Впрочем, об этом Андрей узнал позже. А в ту ночь он долго не мог уснуть. Синий полусвет контрольной лампочки раздражал его, соломенный матрас казался сплошным булыжником, байковое одеяло — сотканным из верблюжьей колючки. Было очень обидно и очень одиноко. И еще хотелось запустить в лампочку сапогом.

Андрей выскользнул из-под одеяла, прошмыгнул мимо дневального и нырнул в ночь.

Это, наверное, выглядело очень смешно. Долговязый парень в майке и трусах с ожесточением набрасывается на турник, корчится, дергается, падает и снова цепляется скрюченными пальцами за отпотевший металл перекладины.

Через двадцать минут Андрей вконец выдохся. Он сидел на холодной скамейке, сдерживая нервную зевоту и дрожь. Прямо перед ним теплилось зеленым светом настольной лампы окно. Андрей сердито посматривал на него, словно ожидая новой каверзы.

Отдышавшись, опять становился под турник, запрокидывал голову и, чуть приседая, прыгал.

На следующий день все повторилось. Снова окно, задиристые косички у ушей — в стороны, оскорбительное: «Эй, рыжий!» И высокий костистый сержант называл Свечку «гражданочкой» и грозился пожаловаться ее матери. А ночью Андрей снова, чертыхаясь, штурмовал турник, в перерывах сидел на холодной скамейке, натужно дышал и время от времени бросал свирепые взгляды на окно.

Прошло немало дней и ночей. Как-то Андрей сделал на турнике «солнце». Рванулся и на какое-то мгновение застыл на перекладине на вытянутых руках. Ему показалось — он зацепил каблуками за звезды. Дав два витка, он спрыгнул и совсем по-мальчишески погрозил кулаком окну.

— Чем ты хвастаешь, рыжий? — крикнула она ему со своей обычной ухмылочкой. — Это же я тебя гимнастом сделала. Я!

— Че-го, че-го-о?

— Вот тебе и «чего»! — и она показала ему язык. — Иван Денисович, старшина, моей маме рассказывал: «Ваша Светка воспитатель — во! Я бы ее командиром отделения к себе в роту

взял. Через ее «шпильки» рядовой Казачок отличным гимнастом стал. Ночами занимался».

Андрей опешил. Он-то думал, что об этом никто не знает.

— Только ты не злись, — меняя тон, сказала Светка, — не думай, что я вообще на одни, на эти шпильки способна.

Она забралась на подоконник, оперлась на правую руку и, чуть склонив голову в косичках-растопырьках, просто заключила:

— Знаешь что, давай дружить!

— Подрасти немножко, а потом в друзья набивайся, — фыркнул Андрей.

Как вырвалась эта фраза — Андрей не мог понять, вырвалась, и все. И тут он увидел, как та самая Свечка, у которой, казалось, одни дерзости на языке, вдруг покраснела. Да еще как! Перед ним была обиженная, нет, не только обиженная, а оскорбленная им девушка.

— Я не набиваюсь! — голос еще более выдал эту обиду, эту девичью, оскорбленную доверчивость. — Да, не набиваюсь, слышишь, рыжий?

И тут же, вдруг, что-то бац о землю. Глядь, среди глиняных черепков и земляных комков лежит герань,

— Вы что-то обронили? — с подчеркнутой вежливостью обратился он к Свете. А сам отчаянно думал: «Зачем все это я говорю? Зачем?»

Она уже обрела свою обычную невозмутимость. И только глаза у нее посверкивали.

И все-таки они подружились. Только много позже после этого случая.

Андрея тогда положили в санчасть. Единственный раз за всю службу. Произошло это на учении. Форсировали речушку. Один танк застрял. Раз застрял — надо вытащить. Андрей нырял с тросом. Три или четыре раза. А вода ноябрьская. И вот теперь он, как все больные, температурил, глотал пилюли и, прикидываясь здоровехоньким, изводил врача просьбами о выписке.

Свечка пришла под вечер. Она, и вправду, смахивала на свечку: тоненькая, в белом халате. Осторожно положила на тумбочку кулек с яблоками.

— Кушай, — негромко сказала она. И тут же, вне всякой связи с этим домашним «кушай», продолжала, — я школу окончила, работаю чертежницей. А вообще-то... ешь яблоки. Они очень вкусные. Попробуй.

Андрей съел три яблока. И Свечка столько же. А одно они разделили пополам.

Было ли это началом дружбы или чего-то другого, более глубокого? Или началось все это еще раньше? Андрея выписали из санчасти. В субботу или воскресенье ему давали увольнение. Они бродили вдвоем по улицам, по парку, забегали в кино. И говорили, говорили. Обо всем. А о чем — не сразу припомнишь.

* * *

На Светкины именины Казачок был

приглашен первым. Андрей готовился к ним, как ни к чему еще в своей жизни не готовился. Он ударился в расточительство и «пустил в расход» месячный запас асидола, вакцины, весь флакон одеколона «Шипр». В тумбочке, обернутый хрустящей тонкой бумагой, лежал подарок: вислосухий резиновый щенок с бурыми пятнами на боках.

Получив увольнение, Андрей собирался уходить, когда увидел ефрейтора Иванникова.

— Будь другом,— сказал он просительно. — Подмени в наряде. На время. Сестра, понимаешь, проездом... родная. Встретить надо. Старшина разрешил. Только, говорит, подмену найди.

— Не было печали,— чертыхнулся Андрей. — Ты же знаешь, у меня увольнительная.

— Восемь лет не видел сестру, — занял Иванников. — Уважь, будь другом.

— Ладно, подменю, — еще не преодолев досаду, излишне громко сказал Казачок. «А Свечке объясню,— подумал он.— Она поймет».

Свечка не поняла.

— Что же мне остается,— молвила она, сдвигая брови, — пригласить другого кавалера?

— Пригласи, — обиделся Андрей.

— И приглашу.

Андрей, что называется, психанул и повернулся к Свечке спиной. А когда обернулся, ее не было. Тогда он заступил в наряд и весь вечер с самым мрачным видом простоял у тумбочки с телефонным аппаратом.

* * *

Начали сгущаться сумерки. Окно погасло. Высокий костистый сержант недавно сказал: «Эта гражданочка наконец-то угомонилась, повзрослела». А солдаты, которые привыкли к задиристому звонкому голосу Свечки, к ее дерзким выходкам, беспокоились: уж не заболела ли?

Хорошо, когда у человека в жизни есть заветное окно. Светит оно ему через расстояния и непогодь неугасимым, теплым светом, луже, если такого окна нет. И совсем плохо, если оно было и погасло. Темно тогда человеку, одиноко. И время нужно, чтобы он снова увидел свет.

Это было обыкновенное окно. Шесть квадратов стекла в деревянной раме салатного цвета. Само по себе окно — пустое место. И что можно высидеть под окном? А все-таки Андрей Казачок сидел,

— Эй ты, рыжий! — весь вздрогнув, услышал он тихое, такое знакомое. — Уезжаешь, да?

И он ответил, как ему казалось, с полным безразличием:

— Уезжаю. Через двадцать минут — поезд?

— Кого же ждешь?

— Старшину. Портянки запасные получить забыл...

Бац! Горшок с геранью на земле. Бац! Второй.

— Чего сидишь?! Беги, а то опоздаешь на

свой поезд! Рыжий! Рыжий! — кричит-то как, а в голосе слезы. Или Андрею это только кажется.

Он медленно, поднялся, подчеркнуто неторопливо взял чемодан. И пошел: левой-правой, левой-правой... Не спеша. Он знал: пусть до отхода будет не двадцать минут, а двое суток — он все равно опоздает на этот поезд.